Татьяна Калугина

Курапа

Татьяна Калугина

Курапа

https://litres.ru/74646762
SelfPub; 2026

Аннотация

Журналистка Дарья изучает «знобиков» — людей, которых в детстве похитила нечисть, оставив жить пустые оболочки. Дарья считает их безобидными, сломленными тенями себя самих, но встреча с Василисой открывает ей жуткую правду: иногда монстр намного ближе, чем кажется.

Татьяна Калугина
Курапа

КУРАПА

Петра Калугина

Не заглядывай ночью в шкаф – увидишь себя и умрешь от страха.

Василиса не помнила, откуда взялась эта фраза. Вряд ли она просто была всегда, как бабушкино ворчание на погоду или как Никиткина манера обдирать обои возле кровати.

«Да что ж за мокрядь такая, будь она неладна, декабрь-месяц, а всё никак в зиму не перемкнёт!» – это была бабушка, ее певучий, чуть дребезжащий голос.

Ш-шырьк, шырьк в полутьме, вкрадчивое, шкодливое – это Никитка.

Мама по сто раз на дню повторяла, что сто раз повторять не собирается, а папа обожал рифмовать: «Вася-Вася, Василёк, завари-ка нам чаёк», «Никитос, выше нос!» и всё в таком духе.

Фраза про шкаф была чужая, не подходила никому из них, и вообще их дому не подходила, но каким-то образом проникла в него, зацепилась и пустила тонкие бледные корешки.

Не заглядывай – ночью – в шкаф. Увидишь себя. Умрешь.

Шкаф был старый, рассохшийся. Одна из дверец – та,

что не запиралась на маленькую тугую щеколдочку сверху, с внутренней стороны, – то и дело норовила открыться. Сама по себе, без всякой видимой причины. Днем, вечером, когда все были дома или когда никого не было. Но страшнее всего это происходило ночью. Именно тогда дверца, вскрипнув, отворялась с особой интонацией и значением – будто приглашая войти.

Возможно, у дверцы был неисправен механизм. Проверять это Василиса не собиралась. Она и днем-то держалась подальше от шкафа с его тревожным, «половинчатым» нутром.

Левая половина – спокойная, почти дружелюбная: аккуратные стопки одежды, выдвижной ящик с постельным бельем. Ничего особенного, ничего пугающего.

А вот правая – совсем другая. Платья и костюмы на вешалках висели так, что создавалась видимость чего-то рыхлого и щелястого, похожего на грибную изнанку или на страницы старой разбухшей книги. И тени между этими страницами всегда немного шевелились, будто от сквозняка.

От сквозняка из другого мира. Василиса не сомневалась, что он есть, этот другой мир, скрытый за лукавым занавесом одежды. Именно оттуда каждую ночь приходила *она*. Та, которую Василисе нельзя было видеть ни в коем случае.

Появлялась она чуть раньше, чем дверца протяжным скрипом возвещала о ее прибытии. Шкаф еще молчал, но Вася знала – она уже в нем. Внутри.

Под висящими на плечиках пиджаками и юбками лежала бесформенная куча тряпья – «одёванная одёжа», как говорила бабушка. Толстые кофты, колготки, спортивные штаны, джинсы. Всё то, что еще рано отправлять в стирку, но и к чистым вещам уже не положишь. И вот там, в этом гнезде из небрежно скомканной, человеком пахнущей «одёжи», и возникала ночная гостья. Это была ее первая станция в мире Васи.

Василиса чувствовала ее появление безошибочно. Внутри всё замирало. А через пару секунд раздавался знакомый скрип.

Тело мгновенно покрывалось испариной – холодной и горячей одновременно. Сердце начинало бешено колотиться, дыхание сбивалось, в ушах ритмично и шумно пульсировало. Словно гигантский конь жевал сено прямо у нее в голове: хрум-пыщ, хрум-пыщ! Василиса ничего не могла поделать с этим конем. Он был ненасытным, ужасно шумным и ни в какую не желал притихнуть.

Из-за него и она была громкой, заметной, как на ладони. Оглушительно живой. И в то же время она изо всех сил пыталась замереть, остановить в себе всякое движение, вплоть до тока крови по венам; превратиться в желейную пустоту. Или хотя бы в нечто, похожее на пустоту. В нечто вроде сброшенной лягушачьей шкурки…

Надо сказать, что ночная гостья никогда не выходила из шкафа. Она появлялась и сидела в нем неподвижно, выпучив глаза и поигрывая зобом. Надувая и сдувая его. Надувая и сдувая.

Небольшое ребёнкоподобное существо в пижамном костюмчике.

Руки оно держало между разведённых колен, как лягушка. Черты лица у него были условные: два глаза без век, носовой бугорок с двумя дырочками, тонкий безгубый рот и неприметные крохотные уши, прижатые к безволосой голове.

Василиса знала: как только она заглянет в шкаф, у существа появится внешность. Ее, Василисы, внешность. А сама Вася пропадет – станет бледной тенью, и сквозняк утянет ее в мир за шкафом.

Единственный способ избежать этого – терпеть. Час или два, а иногда и дольше, пока рассвет не засереет в окне. К этому времени острый ужас притуплял сознание, и Вася начинала воспринимать происходящее как фильм. Кино про девочку, которой сказали не заглядывать ночью в шкаф, и она не заглядывала, долго-долго, но однажды встала и заглянула.

«Нет, – проваливаясь в трясину сна, вяло сопротивлялась Вася. – Не встала. Не заглянула».

Наконец трясина смыкалась над ее головой, и фильм обрывался, не дойдя до своего ужасающего финала.

На соседней кровати сопел Никитка. Ворочался, брыкался под душным пуховым одеялом, выпрастывая пятки наружу. Ему ничего не грозило. Происходящее в комнате его никак не касалось. Заглядывать ночью в шкаф ему бы и в голову не пришло.

***

В ресторанном дворике было людно, и девушки, взяв кофе навынос, переместились на лестницу. Поднялись на самый верх, в укромный тупичок перед запертой дверью какого-то служебного помещения. Дарья подумала, что когда-то здесь явно была курилка. Сотрудники торгового центра бегали сюда с ноября по март курить и сплетничать, и что-то в воздухе (но не запах табачного дыма: его не было) неуловимо свидетельствовало об этом. При желании Дарья могла бы порассуждать на тему сего любопытного феномена и даже запостить об этом статейку в блог, но сейчас ее интересовало другое. Другой феномен.

– Вроде чисто, – сказала она, оглядев ступени и усаживаясь на верхнюю. Знобка устроилась на другом конце этой же ступени, у стены, вполоборота к Дарье. Стаканчики с кофе девушки поставили между собой, туда же Дарья поместила айфон, заботливо подложив под него блокнотик.

– Я буду записывать. Ладно? Ты ведь не против?

Знобка согласно кивнула, но вид у нее сделался испуганно-идиотским. Как, впрочем, почти у каждого из них – у

каждой знобки и у каждого знобика, которых Дарья ставила перед фактом записи в последний момент, когда у них уже не было возможности увильнуть.

С одной стороны, это было неправильно. Не очень по-журналистски. С другой – у Дарьи просто не оставалось выбора. Они, эти странные люди, имели обыкновение вспоминать про какие-то неотложные дела и бесследно исчезать, стоило только Дарье проговориться накануне встречи, что их разговор будет записываться.

Или – был еще такой вариант – узнав о предстоящем интервью «под запись», они начинали серьезно к нему готовиться, ночь не спали, писали речь, а потом зачитывали ее по бумажке мятыми бубнящими голосами. Это тоже никуда не годилось.

Еще можно было предложить знобику интервью по скайпу, но к этому способу Дарья прибегала крайне редко и неохотно. По скайпу не передавался холод. А холод – это было главное. Без холода каждый из этих людей был не более чем городским безобидным фриком, или скучным душнилой, или располневшей от одиночества тётенькой-поэтессой, искренне верящей, что завистники крадут ее ненаписанные стихи.

Таких ложных знобиков Дарья перевидала немало. Но эта, Василиса, кажется, была настоящей.

Длинные, подколотые на затылке темно-русые волосы.

Профиль эльфа из какой-нибудь киносаги. Но глаза невыразительные – не то поставленные слишком близко, не то посаженные слишком глубоко... Совсем не эльфийские, в общем, глаза. Как ни ловила Дарья взгляд знобки, так и не смогла различить, какого они цвета.

Телосложение скорее худощавое, но тоже не вполне понятное: грубая толстовка с логотипом супермаркета могла прятать под собой как изящную, так и неказистую фигуру.

– Ты готова? Начнем? – спросила Дарья и нажала на запись. – Василиса, двадцать шесть лет, кассир. Второе августа, торговый центр «Крапива». Василис, для начала расскажи немного о себе. Откуда ты родом, чем занимаешься… ну, помимо работы? Чем живешь?

Она не всегда их так называла. Много лет назад Дарья придумала этот ник для себя, для сетевого дневника, в котором она с мазохистским упоением откровенничала о своей жизни. «Знобка, ничья зазнобка. Хроники потерянной души» – гласил подзаголовок ее блога.

То были темные времена, сплошной мрак и безнадёга, лучше не вспоминать. Той Знобки больше не существовало. Та Знобка, которой была Дарья, давно согрелась и перестала дрожать. И душа ее потерянная нашлась, собралась по клочкам и кусочкам в единое целое и обросла броней.

Дарья давно завела новый блог, а имя, оставшееся от прошлого, уже не считала своим и не вспоминала о нем года

два... пока не возникла идея этого вот проекта. И пока Дарья не встретилась с первыми респондентами.

Почти все эти встречи происходили в кафе – в самых разных, от уютных «Шоколадниц» и «Якиторий» до каких-то безымянных забегаловок и столовых при НИИ, при больничных стационарах и автобусных парках. Места были разные, люди, приходившие рассказать Дарье о своей жизни, тоже были разные, но объединяло их одно: всем этим людям было зябко в этих местах. А может, им было холодно от своих историй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.